

Часть II

Великое посольство

Глава 12

Великое посольство в Западную Европу

Великое посольство – одно из самых поразительных событий в биографии Петра. Его соотечественников царская затея ошарашила. До Петра ни один русский государь не выезжал за пределы своей страны, чтобы мирно попутешествовать. Кое-кто отваживался пересечь границу в ходе военных действий, чтобы осадить какой-нибудь город или в погоне за неприятельской армией, но в мирное время такого не бывало. И зачем ему это нужно? И кого он оставит за себя править? И если ему так уж необходимо ехать, отчего под чужим именем?

Европейцам тоже предстояло задаться многими из этих вопросов, для них не столько болезненных, сколько интригующих. Какова истинная причина таинственного путешествия повелителя огромной и далекой полуазиатской страны, которое он совершал инкогнито, пренебрегая церемониями и отклоняя почести, стремясь все увидеть, все потрогать руками, понять, что и как устроено? Молва о поездке ширилась, порождая бесчисленные предположения о ее целях. Некоторые, как австрийский представитель в Москве Плейер, считали, что посольство служило «всего лишь предлогом, позволяющим... царю выбраться за пределы своей страны и немного поразвлечься, и не имело никаких серьезных задач». Другие (например, Вольтер, позже написавший об этом) думали, что Петр собирался познакомиться с повседневной жизнью за границей, чтобы потом, вернувшись в образ самодержца, как можно лучше править страной. Третьи верили, что царь выполняет обет посетить гробницу Святого Петра в Риме, данный во время бури, едва не потопившей его корабль.

Вообще-то существовали серьезные, притом сугубо дипломатические причины для отправления посольства. Петру не терпелось возобновить, а если удастся, то и укрепить союз против турок. Он рассматривал взятие Азова только как начало и теперь надеялся со своим новым флотом преодолеть Керченский пролив и добиться господства в Черном море. Для этого требовалось не только располагать современными техническими средствами и, соответственно, обученными людьми, но и иметь надежных союзников, ведь воевать с Османской империей в одиночку Россия не могла. Между тем коалиция союзников грозила вот-вот распасться. Польский король Ян Собеский умер в июне 1696 года, и с его смертью антитурецкий пыл поляков почти совсем остыл. Король Франции Людовик XIV задался целью во что бы то ни стало посадить французских принцев на престол Испании и Польши, и все его хитроумные маневры, скорее всего, должны были вылиться в новые войны с империей Габсбургов. Следовательно, на Востоке австрийскому императору сейчас был нужен мир. Чтобы предотвратить дальнейший распад альянса, русское посольство намеревалось посетить столицы своих союзников – Варшаву, Вену и Венецию. Кроме того, предстояло побывать в Амстердаме и Лондоне, главных городах протестантских морских держав, и попробовать найти там поддержку. Лишь Францию, дружившую с турками и враждовавшую с Австрией, Голландией и Англией, надлежало оставить в стороне. Послам предписывалось повсюду искать искусных корабельных мастеров и морских офицеров, людей, добившихся высокого положения благодаря собственным заслугам, а не связям. Помимо всего прочего, они должны были закупать корабельные пушки, якоря, тали и навигационные приборы, чтобы затем в России их скопировали и начали производить.

Но даже столь ответственные задания петровские послы могли бы выполнить самостоятельно и присутствие царя для этого не требовалось. Так почему же он поехал? Наиболее правильным кажется простейший из ответов: он поехал потому, что хотел учиться. Посещение Западной Европы завершило образование Петра: он с детства учился у иностранцев, и они, в России, научили его, чему могли, но далеко не всему, и Лефорт без

конца настаивал на поездке в Европу. В первую очередь Петра сейчас занимали суда для зарождавшегося флота, а он прекрасно знал, что величайшие на свете кораблестроители живут в Голландии и Англии. Потому-то царь и хотел побывать в этих странах, где на верфях создавались мощнейшие военные и торговые флоты мира, равно как и в Венеции, непревзойденной в строительстве многovesельных галер для плавания по внутренним морям.

Лучше всех объясняет мотивы, побудившие его принять участие в посольстве, сам Петр. Перед отъездом за границу он велел выгравировать на своей печати надпись: «Аз бо есмь в чину учимых и учащих мя требую». Позже, в 1720 году, он написал предисловие к только что изданному Морскому уставу для молодого российского флота, где рассказал, как развивались события тех ранних лет его жизни: «Того ради всю мысль свою уклонил для строения флота, и когда за обиды татарские учинилась осада Азова и потом оный счастливо взят, тогда, по неизменному своему желанию, не стерпел долго думать о том: скоро к делу принялся. Усмотрено место к корабельному строению удобное на реке Воронеже, под городом того же имени, призваны из Англии и Голландии искусные мастера, и в 1696 году началось новое в России дело – строение великим иждивением кораблей, галер и прочих судов. И дабы то вечно утвердилось в России, умыслил искусство дела того ввести в народ свой и того ради многое число людей благородных послал в Голландию и иные государства учиться архитектуры и управления корабельного. И что дивнейше, аки бы устыдился Монарх [Петр пишет о себе в третьем лице] остаться от подданных своих в оном искусстве и сам воспринял марш в Голландию, и в Амстердаме, на Ост-Индской верфи, вдав себя с прочими волонтерами своими в научение корабельной архитектуры, в краткое время в оном совершился что подобало доброму плотнику знать и своими трудами и мастерством новый корабль построил и на воду спустил».

Что же до замысла Петра путешествовать анонимно, ради чего он приказал подвергать цензуре все письма, отправленные из Москвы – чтобы не просочились сведения о его плане, – то это был буфер, фасад, призванный одновременно служить царю прикрытием и обеспечивать свободу действий. Петр очень хотел поехать, но не выносил формальностей и церемоний, от которых ему не было бы спасения, отправься он в качестве правящего монарха. И тогда он придумал путешествовать в свите посольства, «невидимкой». Поставив во главе миссии высших сановников, он мог не сомневаться, что им везде будет обеспечен подобающий прием; делая же вид, что его самого как бы и нет, он освобождал себя от обязанности часами тратить драгоценное время на скучнейший протокол. Чествуя царских послов, хозяева будут тем самым воздавать почести царю, а тем временем Петр Михайлов сможет ходить куда угодно и смотреть что пожелает.

На первый взгляд цель эта выглядит очень скромно, но последствия полуторагодового пребывания царя за границей трудно переоценить. Петр вернулся в Россию с решимостью преобразовать свою страну по западному образцу. Московскому государству, веками варившемуся в собственном котле, отныне предстояло тянуться к Европе, открыться перед Европой. В результате образовался как бы замкнутый круг причин и следствий: Запад повлиял на Петра, царь дал мощный толчок России, а обновленная и развивающаяся Россия оказала новое значительное воздействие на Европу. Таким образом, Великое посольство стало поворотным событием и для Петра, и для России, и для Европы.

* * *

Та Европа, в которую Петр направлялся весной 1697 года, находилась под обаянием могущества и славы одного человека, его христианнейшего величества короля Франции Людовика XIV, прозванного Король-Солнце. На придворных празднествах и в произведениях искусства он предстал в образе Аполлона. Всепроникающие лучи этого «солнца» достигали самых отдаленных закоулков европейской политики, дипломатии и культуры.

Людовик XIV был наиболее влиятельным человеком в Европе и тогда, когда Петр появился на свет, и в продолжение всей его жизни, кроме последнего десятилетия. Невозможно понять, что представляла собой Европа, в которую вступала Россия, не уделив прежде внимания особе французского монарха. Во все века мало было властителей, превосходящих его своим величием. Его семидесятидвухлетнее правление было самым долгим в истории Франции; современникам-французам он казался полубогом. «Малейший жест его, поступь, выражение лица – все было продуманно, уместно, благородно, величественно», – писал придворный летописец Сен-Симон. В присутствии короля подданные испытывали благоговейный трепет. «Не было случая, чтобы я дрогнул перед врагами вашего величества, но сейчас я трепещу», – признался один из маршалов Людовика, представ перед королем.

Людовик XIV был рожден для трона, но масштабы достигнутого им величия определялись скорее его характером – грандиозным «я» и непоколебимой уверенностью в себе, – нежели его природными внешними и политическим данными. Ростом он был невелик даже для своего времени (всего пять футов и четыре дюйма) и отличался крепким сложением и сильными, мускулистыми ногами, которые не упускал случая продемонстрировать, красуясь в тугих шелковых чулках. У короля были карие глаза, длинный, тонкий орлиный нос, чувственный рот и рыжеватые волосы, которые с возрастом он начал прятать под черным париком с завитыми локонами. На его щеках и подбородке виднелись следы оспы, перенесенной в девятилетнем возрасте.

Людовик, запоздалый первенец брака, бесплодного на протяжении двадцати трех лет, родился 5 сентября 1638 года. Смерть отца, Людовика XIII, сделала четырехлетнего ребенка королем Франции. Пока король не подрос, страной правила его мать, Анна Австрийская, со своим первым министром (а возможно, и любовником) кардиналом Мазарини, протеже и преемником великого Ришелье. Когда Людовику исполнилось девять, монархия во Франции задрожала под ударом Фронды. Пережитое унижение навек оставило шрам в душе маленького короля, и он еще при жизни Мазарини твердо решил, что никогда не станет плясать под чужую дудку и никакому министру не позволит помыкать собой так, как Ришелье помыкал его отцом, а Мазарини матерью. И еще – до конца дней своих Людовик без всякой охоты ступал на узкие, беспокойные парижские улицы.

Людовик всегда предпочитал городу деревню. В первые годы правления он вместе с двором странствовал по окрестностям Парижа, переезжая из одного королевского замка в другой; однако все короли Франции, и особенно великие короли, строили собственные дворцы – воплощение их личной славы. В 1668 году Людовик избрал место для своего дворца на землях маленького отцовского охотничьего замка в Версале, в двенадцати милях к западу от Парижа. Здесь, на песчаном бугре, едва возвышавшемся над лесистыми холмами Иль-де-Франс, король велел своему архитектору Лево строить дворец. Работа продолжалась много лет. 36 000 человек трудились на лесах, опоясывавших здание, или копались в грязи и пыли на месте будущих садов, сажая деревья, прокладывая дренажные трубы, устанавливая бронзовые и мраморные статуи. 6000 лошадей тащили телеги и сани, груженные бревнами или строительным камнем. Смертность среди рабочих была высока. Каждую ночь фургоны увозили мертвых – кто сорвался с лесов, кого придавило неожиданно сползшей каменной плитой. В наскоро сколоченных бараках, где жили рабочие, свирепствовала болотная лихорадка, десятками косившая людей из недели в неделю. Зато когда в 1682 году здание наконец было готово, оказалось, что Людовик построил величайший дворец в мире. Укреплений вокруг него не было: король возвел для себя незащищенную резиденцию на открытом месте, словно заявляя миру, что столь могущественный монарх не нуждается в рвах и стенах для защиты своей особы.

Позади фасада длиною в пятую часть мили (то есть более полукилометра) размещались громадные галереи для приемов, залы заседаний, библиотеки, личные покои королевской семьи, будуары, и дворцовая часовня, и, конечно, всевозможные переходы, лестницы, кладовые и кухни. Великолепием убранства, богатством собранных под его крышей

произведений искусства Версаль превосходил все, что было создано со времен Римской империи. По всему дворцу высокие потолки и внушительные двери были украшены золотым знаком Аполлона – изображением сияющего солнца, символа создателя и обитателя этого невероятного дворца. Стены покрывали мраморные панели, узорный бархат или гобелены, на окнах зимой висели вышитые бархатные занавеси, а летом – шелковые, затканые цветами. По вечерам тысячи свечей горели в сотнях стеклянных люстр и серебряных канделябров. В комнатах стояла изысканная инкрустированная мебель – золоченые столики на витых либо покрытых резьбой в виде цветов и листьев ножках и обитые бархатом кресла с широкими спинками. Во внутренних покоях поверх наборных паркетных полов лежали богатые ковры, а на стенах красовались огромные полотна Андреа дель Сарто, Тициана, Рафаэля, Рубенса и Ван Дейка. В спальне Людовика висела «Мона Лиза».

Сады, разбитые по замыслу архитектора Ленотра, заслуживали не меньшего внимания, чем сам дворец. Миллионы цветов, кустов и деревьев с геометрической правильностью разместились между аллеями, травянистыми террасами, пандусами, лестницами, прудами, озерцами, фонтанами и каскадами. Фонтаны Версаля, полутора тысячами водометов бьющие ввысь с поверхности восьмиугольных прудов, и по сей день составляют предмет зависти всего мира. Причудливо изгибающиеся, безупречно подстриженные живые изгороди образовывали нарядный орнамент, разграничивая участки, засаженные цветами разнообразнейших оттенков и всевозможных сортов, причем многие из них уже через день заменяли новыми. Король питал слабость к тюльпанам, и каждый год (если он в это время не воевал с Голландией) из голландских теплиц доставляли четыре миллиона луковиц, чтобы весной их цветение озарило Версаль пурпуром и золотом. Страсть короля к апельсиновым деревьям подвигла Ленотра на создание гигантской оранжереи, которую он углубил в землю, защитив теплолюбивые деревья от ветра. Но и этого Людовику показалось мало, и он велел внести часть апельсиновых деревьев во дворец и расставить их в серебряных кадках возле окон в его личных апартаментах.

Стоя у высоких окон Стеклойной галереи, тянувшейся вдоль западного фасада дворца, король мог любоваться изумительной перспективой – трава, камень, вода, чередуясь с бесчисленными статуями, занимали все пространство до Большого канала. Этот водоем, вырытый в форме громадного креста, имел в длину больше, мили. Здесь король катался на веслах и под парусами. Летними вечерами весь двор усаживался в гондолы (подарок венецианского дожа), которые часами плавно скользили при свете звезд, а Люлли с придворным оркестром, разместившись поблизости на плоту, услаждал общество музыкой.

Версаль стал символом недостижимого превосходства, великолепия и величия самого богатого и могущественного властителя Европы. Другие европейские государства – не исключая и тех, кто враждовал с Францией, – принялись строить дворцы в подражание версальскому и тем увековечивали свое отношение к Людовику, будь то дружба, зависть или афронт. Каждый хотел иметь собственный Версаль и требовал от своих архитекторов и мастеров таких дворцов, садов, мебели, гобеленов, ковров, серебра, стекла и фарфора, чтобы были не хуже, чем у Людовика. В Вене, Потсдаме, Дрездене, в Хэмптон-Корте, а потом и в Санкт-Петербурге под влиянием Версаля возводились и украшались дворцы. Даже длинные проспекты и величавые бульвары Вашингтона, заложенного сто лет спустя, обязаны своей геометрической планировкой архитектору-французу, взявшему за образец Версаль.

Людовик любил Версаль, и когда там бывали высокие гости, он собственной персоной вел их смотреть дворец и сады. Конечно, дворец представлял собой нечто гораздо большее, чем самый пышный в Европе чертог отрады и отдохновения; он имел важное политическое предназначение. В основе политических взглядов Людовика лежала идея сосредоточения всей полноты власти в руках монарха, и Версаль стал инструментом ее воплощения. Огромные размеры дворца позволяли королю собрать и разместить под его сенью влиятельную французскую знать. Как огромный магнит, Версаль притягивал к себе всех славных герцогов и принцев Франции – и вот уже целая страна, где эти древние династии испокон веку владели землями и наследственными правами, где властвовали и исполняли

свой совершенный долг, эта страна оказалась покинутой и заброшенной. В Версале же, оторвавшись от своих вотчин, французская знать превратилась из соперницы короля в его декоративное оформление. Собрав вокруг себя знатных дворян, Людовик сознательно не допускал, чтобы они сделались добычей уныния и скуки. Король-Солнце распорядился, и Версаль засиял огнями. В непрерывном круговороте замысловатых церемоний и роскошных развлечений все и каждый были заняты с утра до вечера. Жизнь здесь, до последней мелочи, вращалась вокруг короля. Его спальня, выходившая окнами к востоку, на Мраморный двор, располагалась в самом центре дворца. С восьми утра, когда откидывали полог, скрывавший королевское ложе, и Людовика будили словами «Сир, пора вставать», монарх был выставлен напоказ. Он поднимался, и его обтирали розовой водой и душистым спиртом, брили и одевали на глазах у тех, кому посчастливилось удостоиться этой милости. Герцоги помогали ему стаскивать ночную рубашку и натягивать панталоны. Придворные спорили, кому принести королевскую сорочку. Расталкивая и отпихивая друг друга, они боролись за честь подать королю его *chaise percée* («сиденье с отверстием») и, сгрудившись, стояли вокруг, пока тот отправлял естественные надобности. И когда король молился со своим духовником, и когда он ел, в его комнате толпились люди. Толпа сопровождала его, шел ли он по дворцу, бродил ли по саду, отправлялся ли в театр или на псовую охоту. Протоколом было установлено, кто имеет право сидеть в присутствии короля и на чем – на стуле со спинкой или просто на табурете. Монарха окружало такое поклонение, что завидев, как несут его обед, придворные снимали шляпы и мели ими землю в поклоне, почтительно возглашая: «Обед короля!»

Людовик любил охоту. В погожие дни он со шпагой или копьем в руке скакал на коне по лесам вслед за сворой лающих собак, преследуя вепря или оленя. Каждый вечер при дворе были музыка, танцы и, конечно, игра, приносившая и уносящая целые состояния. Субботними вечерами устраивали балы. Нередко происходили маскарады, грандиозные трехдневные празднества, на которые все придворные являлись наряженные древними римлянами, персами, турками или краснокожими индейцами. Пир в Версале давался поистине лукулловы. Сам Людовик ел за двоих. Принцесса Палатинская писала: «Я часто видела, как король съедал по тарелке четырех разных супов, целого фазана, куропатку, большое блюдо салата, пару толстых ломтей ветчины, миску баранины в чесночном соусе, тарелку пирожных, а потом принимался за фрукты и сваренные вкрутую яйца. И король, и „монсеньор“ [младший брат Людовика] страшно любят крутые яйца». Позднее внуков короля обучили изящной новой манере есть при помощи вилки, но когда их приглашали обедать с монархом, он подобных новшеств за своим столом не терпел, заявляя, что «всю жизнь ел исключительно с помощью ножа и собственных пальцев».

Но главным из празднеств Версаля было вечное празднество любви. Громадный дворец с множеством комнат, куда можно было ускользнуть, хитросплетение садовых аллей, статуи, за которыми так удобно было прятаться, представляли собой великолепную сцену для этого волнующего спектакля. Здесь, как и во всем остальном, первенство принадлежало Людовику. Его женой стала испанская инфанта Мария Тереза – простодушное, невинное создание с большими голубыми глазами. Она окружила себя карликами и поминутно вздыхала об Испании. Пока она была жива, король чтит узы брака – каждую ночь непременно в конце концов оказывался на ложе подле жены и дважды в месяц исправно исполнял супружеский долг. При дворе всегда знали об этих случаях, так как на следующий день королева отправлялась к исповеди, а лицо ее по-особому сияло. Но королевы Людовику было явно мало. Наделенный необычайной чувственностью, он каждую минуту готов был лечь в постель с любой женщиной, какая подвернется, и неустанно искал добычи. Впрочем, «короли, восплавав желанием, редко вздыхают подолгу», как говаривал придворный Людовика, Бюсси-Рабютен; сведений же о том, чтобы Людовик хоть раз встретил серьезный отпор, до нас не дошло вовсе. Наоборот, двор был полон красавиц, в большинстве замужних, однако скупаемых честолюбием и не скрывавших своей доступности. Три сменившие друг друга общепризнанные королевские фаворитки, Луиза де Лавальер, мадам де Монтеспан и

мадемуазель де Фонтанж, составляли лишь верхушку айсберга, хотя к мадам де Монтеспан король испытывал большое чувство, сохранявшееся двенадцать лет, в продолжение которых у них родилось семеро детей. Все эти связи и интрижки нимало не волновали окружающих, кроме, пожалуй, маркиза де Монтеспана – тот сердил короля ревнивыми выходками и все эти годы величал жену «покойной мадам де Монтеспан».

Двор оказывал почести любой избраннице короля. Когда новая фаворитка входила в комнату, даже герцогини поднимались с мест. В 1673 году, отправляясь на войну, Людовик взял с собой королеву, Луизу де Лавальер и мадам де Монтеспан, которая вот-вот должна была родить. Все три дамы тащились следом за армией в одном экипаже. Китайского шелка походный шатер Людовика имел шесть комнат, из них три – спальни, так что Король-Солнце на войне испытывал не одни только тяготы и лишения.

В самой Франции не все смотрели на Людовика как на милостивого и великодушного монарха. Некоторые находили, что он совершенно ни с кем не считается: король имел обыкновение пускаться в длительные, пяти-шестичасовые прогулки в карете и настаивал, чтобы его сопровождали дамы, даже беременные, и ни за что не разрешал сделать остановку, чтобы они могли отлучиться в кусты. Его как будто совершенно не заботили и нужды простого народа: тем, кто пытался открыть королю, сколь разорительны для населения его войны, запрещалось впредь являться ко двору как особам дурного тона. Король был строг, а иногда и безжалостен: после на шумевшей истории с ядом, когда возникли подозрения, что причиной многочисленных внезапных смертей среди видных придворных были отравления (намекали даже на заговор и покушение на жизнь короля), тридцать шесть обвиняемых подверглись пыткам и умерли на костре, а восемьдесят один человек – и мужчины, и женщины, – закованные в цепи, на всю жизнь были брошены в подземелья замковых башен, и тюремщикам приказали сечь их, как только кто-нибудь попытается заговорить. При дворе шепотом передавали историю Железной Маски, и лишь сам король знал, кто этот узник, обреченный на пожизненное одиночное заключение.

За пределами Франции и подавно лучи Короля-Солнце не казались уж очень благотворными. Для протестантской Европы Людовик был кровожадным католическим тираном.

Орудием достижения военных успехов короля служила французская армия. Созданная усилиями министра Лувуа, она насчитывала 150 000 солдат в мирное время и 400 000 в военное. У кавалеристов была синяя форма, у пехоты – светло-красная, а у знаменитой королевской гвардии – алая. Эта армия, которой командовали великие маршалы Франции – Конде, Тюренн, Вандом, Таллар и Виллар, – внушала Европе зависть и страх. Сам Людовик воителем не был. Правда, в молодости он ходил на войну – элегантный всадник в сияющих латах, бархатном плаще и треугольной шляпе с перьями, – но непосредственно в сражениях не участвовал. Зато король научился отлично разбираться в тонкостях стратегии и управления войсками. После смерти военного министра Лувуа он взял его роль на себя: сам обсуждал генеральную стратегию военных кампаний со своим маршалом, следил за поставками провианта, рекрутскими наборами, обучением и размещением войск, сбором разведывательных данных.

Так шло вперед столетие, и год от года возрастал престиж Короля-Солнце, крепла мощь и слава Франции. Блеск Версаля вызывал восхищение и зависть всего мира. Французская армия считалась лучшей в Европе. Французский язык сделался общепринятым языком дипломатии, светского общества и литературы. Что угодно – да все на свете! – казалось возможным, если под текстом приказа на бумаге появлялась выведенная удлиненными, нетвердыми буквами подпись «Людовик».

* * *

Современникам Великого посольства пропасть между Россией и Западом представлялась куда более глубокой, чем просто разрыв в сфере морского судостроения или

передовой военной технологии. На западный взгляд Россия оставалась погруженной во мрак Средневековья – чудеса русской архитектуры, иконописи, церковной музыки, народного искусства были в Европе неизвестны, неинтересны или вызывали пренебрежение, в то время как сама Европа конца XVII века казалась, по крайней мере, просвещенным ее представителям, блистательной и прогрессивной. Европейцы исследовали новые миры не только за океанами, но также в науках, музыке и литературе, изобретали новые приборы и приспособления, в которых ощутили практическую надобность. Современный человек и сейчас не мыслит себя без многих из тогдашних открытий: телескопы, микроскопы, термометры, барометры, компасы, часы всех видов, шампанское, восковые свечи, уличное освещение. Повседневное употребление чая и кофе – все это появилось именно в те годы. Уже счастливицам довелось услышать музыку Перселла, Люлли, Куперена и Корелли; еще несколько лет – и они услышат сочинения Вивальди, Телемана, Рамо, Генделя, Баха и Скарлатти (последние трое родились в одном и том же 1685 году). В бальных залах дворцов танцевали гавот и менуэт. Три бессмертных французских драматурга, Мольер, Корнель и Расин, обнажали пороки и слабости человеческой природы, и их пьесы, представленные на суд царственного патрона в Версале, расходились затем по всем уголкам Европы, где их ставили в театрах или просто читали. Англия тех лет обогатила мировую философию и литературу именами Томаса Гоббса, Джона Локка, Сэмюэла Пипса, Джона Эвлина, здесь творили поэты Джон Драйден и Эндрю Марвелл, непревзойденный Джон Мильтон. В живописи большинство гигантов середины XVII века – Рембрандт, Рубенс, Ван Дейк, Вермеер, Франс Хальс и Веласкес – уже сошло со сцены, но во Франции портреты выдающихся современников еще писали Миньяр и Риго, а в Лондоне – сэр Годфри Неллер, ученик Рембрандта, создавший портреты десяти правящих монархов, в том числе и юного Петра Великого.

В своих библиотеках и лабораториях ученые Европы, освободившись от гнета религиозной доктрины, решительно устремились вперед, делая выводы на основании добытых наблюдениями фактов и не отвергая никакого результата, даже если он противоречил догме. Декарт, Бойль и Левенгук создавали научные труды по аналитической геометрии, исследовали соотношение между объемом, давлением и плотностью газов и изучали удивительный мир, видимый под микроскопом с трехсоткратным увеличением. Самые яркие из этих умов умели охватить сразу многие области знания, например Готфрид Лейбниц, открывший дифференциальное и интегральное исчисление, мечтал также разработать структуру и схему управления совершенно новым обществом; долгие годы он донимал Петра Великого в надежде, что царь позволит использовать Российскую империю как огромную лабораторию для проверки его идей.

Величайший ум эпохи, объявший и математику, и физику, и астрономию, и оптику, и химию, и ботанику, Исаак Ньютон, родился в 1642 году, был избран в парламент от Кембриджа, возведен в дворянское достоинство в 1705 году. Когда Петр приехал в Англию, Ньютону было пятьдесят пять лет: его грандиозный труд, блистательные «Principia Mathematica» («Математические начала натуральной философии»), где сформулирован закон всемирного тяготения, был уже опубликован (в 1687 году). По оценке Альберта Эйнштейна, Ньютон «определил направление западной мысли, научных исследований, практической деятельности в такой степени, к которой ни до него, ни после никто даже не приближался».

Ведомые той же страстью к открытиям, другие европейцы в XVII веке пускались в плавание по незнакомым океанам; исследуя и колонизируя земной шар. Почти вся Южная Америка и значительная часть Северной оказались под властью Мадрида. В Индии утвердились колонии англичан и португальцев. Флаги полудюжины европейских стран реяли над африканскими селениями; даже столь неморское государство, как Бранденбург, обзавелось колонией на Золотом Берегу. В самом многообещающем из всех вновь открытых и исследуемых районов – восточной половине Северной Америки – два европейских государства, Англия и Франция, основали колониальные империи. Французская часть значительно превосходила английскую по площади: от Квебека и Монреаля, через Великие

озера, французы проникли в сердце современной Америки. В 1672 году, когда родился Петр, Жак Маркет обследовал земли в окрестностях Чикаго. Годом позже он и патер Луи Жолье в каноэ спустились по Миссисипи до Арканзаса. В 1686 году, когда Петр учился ходить под парусом на Яузе, Ла Саль заявил права Франции на всю долину Миссисипи, а в 1699 году земли в устье великой реки были названы Луизианой в честь Людовика XIV.

Английские поселения, рассыпанные вдоль побережья Атлантики от Массачусетса до Джорджии, были компактнее, многолюднее и потому устойчивее во времена всяческих потрясений. Голландские Новые Нидерланды, основанные на месте нынешних Нью-Йорка и Нью-Джерси, и Новая Швеция близ теперешнего Уилмингтона (штат Делавэр) достались англичанам в ходе англо-голландских морских войн 1660–1670 годов. Ко времени петровского Великого посольства Нью-Йорк, Филадельфия и Бостон были уже довольно крупными городами с населением свыше тридцати тысяч.

В ту пору человечество в большинстве своем селилось к земле поближе, и жизнь в основном представляла собой борьбу за выживание. Дерево, ветер, вода и еще, конечно, мышечная сила людей и животных – вот и все источники энергии. Разговоры крутились главным образом вокруг событий в собственной деревне, а что происходило где-то там, за пределами видимости, было и малопонятно, да и неинтересно. Когда садилось солнце, мир с его холмами и долинами, городами и деревнями погружался во тьму. У кого-то еще горел огонь в очаге, где-то мерцала свеча, но почти все дела прекращались и люди укладывались спать. Вглядываясь в темноту, они согревали себя надеждой или боролись с отчаянием и наконец засыпали, чтобы набраться сил для нового дня.

Сплошь и рядом жизнь человека была не только тяжела, но и коротка. Богач еще мог дотянуть до пятидесяти, а земной путь бедняка обрывался в среднем между тридцатью и сорока годами. Лишь половина младенцев доживала до года – во дворцах ли, в хижинах, неважно. Из пятерых детей, родившихся у Людовика и его супруги Марии Терезы выжил только дофин. Английская королева Анна, отчаянно пытавшаяся дать стране наследника, родила шестнадцать детей, и ни один из них не прожил дольше десяти лет. Петр Великий и его вторая жена, Екатерина, произвели на свет двенадцать детей, но лишь две дочери, Анна и Елизавета, достигли совершеннолетия. И Королью-Солнце суждено было потерять одного за другим: единственного сына, старшего внука, старшего правнука (а ведь каждый мог стать наследником престола), которых унесла корь всего за год и два месяца.

Фактически население Европы в XVII веке уменьшалось: в 1648 году его оценивали в 118 миллионов, а к 1713 году цифра снизилась до 102 миллионов. Главной причиной была чума и другие эпидемии, периодически опустошавшие континент. Распространяемая крысиными блохами чума проносилась по городам, устилая землю мертвыми телами. В 1665 году в Лондоне умерло 100 000 человек, девятью годами раньше в Неаполе – 130 000. Стокгольм потерял треть своего населения от чумы 1710–1711 годов, а Марсель – половину жителей в 1720–1721 годах. Недород и следовавший за ним голод также губили людей сотнями тысяч. Кто-то просто умирал голодной смертью, большинство же становилось добычей болезней, чью губительную работу облегчало недоедание, подрывавшее силы больных. Множество смертей было результатом плохого санитарного состояния городов и селений. Вши переносили тиф, комары – малярию, кучи конского навоза на улицах привлекали мух – переносиц тифа и детской дизентерии, уносившей жизни тысяч детей. Почти повсюду свирепствовала оспа – кто умирал, кто выживал, сохранив глубокие отметины на лице и теле. Смуглое лицо Людовика XIV, как и бледное Карла XII, было изуродовано щербинами. Несколько обуздать ужасную болезнь удалось лишь с введением оспопрививания в 1721 году, когда смелое решение принцессы Уэльской подвергнуться прививке не только прибавило храбрости остальным, но и сделало эту процедуру модной.

* * *

В этот-то просвещенный мир XVII века со всем его блеском и мощью и со всеми его невзгодами и попадали немногие оказывавшиеся за границей русские, которые жмурили

глаза, как подземные обитатели, извлеченные на свет. Почти все, что они видели, вызывало у них недоверие или неодобрение. Иностранцы, разумеется, слыли еретиками, общаясь с которыми недолго и опоганиться, так что весь процесс поддержания международных отношений рассматривался в лучшем случае как неизбежное зло. Русское правительство всегда неохотно принимало в Москве постоянные иностранные представительства. Как объяснял один из виднейших сановников царя Алексея, такие посольства «принесли бы один вред Московскому государству и поссорили бы его с другими странами». С тем же высокомерным недоверием смотрели российские власти и на собственные посольства за рубежом. Русские послы ехали на Запад, только если к тому вынуждали чрезвычайные обстоятельства. Но и тогда послы эти обычно не имели никакого представления о чужих странах, мало что знали о европейской политике и культуре, говорили только по-русски. Болезненно сознавая собственные недостатки, они тешили свое самолюбие, придирчиво следя за соблюдением протокола, правильностью титулования и обращений. Они добивались разрешения передать послания своего повелителя только в собственные руки иноземного монарха. Мало того, они настаивали, чтобы во время аудиенции упомянутый монарх официально осведомился о здоровье царя и при этом встал бы и обнажил голову. Стоит ли говорить, что подобная церемония не слишком вдохновляла Людовика XIV, да и менее значительных европейских правителей. Когда обиженные хозяева предлагали русским послам придерживаться западных обычаев, те с каменным видом отвечали: «Нам другие не указ».

Помимо того, что русские послы отличались невежеством и заносчивостью, их собственная свобода действий была сурово ограничена. В ходе переговоров они не могли взять на себя никакого решения, если оно не было заранее предусмотрено и санкционировано в полученных ими инструкциях. Любая неожиданность, даже самая незначительная, требовала согласования с Москвой, на что уходили недели проволочек в ожидании гонцов. Так что перспектива появления русской миссии не вызывала восторга при европейских дворах, а иностранные вельможи, приставленные к московским гостям, считали, что им сильно не повезло.

В связи с этим вспоминается один дипломатический казус, случившийся в 1687 году, когда правительница Софья отправила посольство с князем Яковом Долгоруким в Голландию, Францию и Испанию. В Голландии их приняли хорошо, но во Франции все пошло вкривь и вкось. Курьер, посланный в Париж известить об их прибытии, не пожелал передать это известие никому, кроме самого короля. Поскольку ни министру иностранных дел и никому другому не под силу оказалось одолеть стремление негибкого россиянина к цели, то пришлось вернуть его назад вместе с письмом, которого в Париже так никто и не вскрыл и не прочел. Тем не менее посольство проследовало по Голландии во Францию. На французской границе в Дюнкерке таможенники опечатали весь багаж посольства и объяснили, что его вскроют и досмотрят более квалифицированные чиновники, как только он попадет в Париж. Русские пообещали не трогать таможенных печатей, но, добравшись до парижского предместья Сен-Дени, тут же распечатали и открыли сундуки и раскинули их содержимое – главным образом драгоценные русские меха – на столах для продажи. Налетели французские торговцы и мигом все расхватили. Позже шокированные придворные чины презрительно фыркали, что русские «забыли о достоинстве послов; они ведут себя как лотошники, заботясь не о чести своего повелителя, а о собственной выгоде и наживе»⁵⁵.

⁵⁵ Это, на первый взгляд беспардонное, поведение русских послов проистекало от российской традиции снаряжать посольства за рубеж. Послам платили ничтожно мало, а то и вовсе ничего не платили, зато власти снабжали их товарами, в первую очередь мехами, пользовавшимися большим спросом в Европе. Предполагалось, что дипломаты продадут меха и тем не только покроют все свои расходы, но и получат сверх того, – это и будет их вознаграждением за службу. Ну а раз меха представляли собой, по сути дела, их жалованье, русские послы были кровно заинтересованы в том, чтобы уклониться от уплаты положенной пошлины.

Король принял послов в Версале, и все шло хорошо, пока не явился из таможни чиновник, чтобы досмотреть багаж. Русские ему этого не позволили, и тогда подоспела полиция в сопровождении замочных мастеров. Возбешенные россияне выкрикивали оскорбления, а один из послов даже выхватил нож, после чего французы отступили, и дело доложили королю. Возмущенный Людовик приказал русским покинуть страну и забрать подарки, врученные ему от имени обоих царей. Когда же послы отказались уехать, пока не получат еще одной королевской аудиенции, французские власти вынесли всю мебель из дома, где остановилось посольство, и перекрыли продовольственное снабжение. Через день русские капитулировали и взмолились об аудиенции, утверждая, что если вернуться в Москву, не побывав на приеме у короля, головы им не сносить. На этот раз они кротко согласились предъявить вещи для досмотра и вести переговоры с менее высокопоставленными чиновниками – только бы Людовик их принял. Через два дня король пригласил их на обед в Версаль и лично показывал им сады и фонтаны. Тут послы пришли в такое восхищение, что раздумали уезжать и принялись изобретать причины, чтобы задержаться. Впрочем, вернувшись домой, они громогласно жаловались на скверное с ними обращение в Париже, и обида, которую затаила Россия после этого дипломатического конфуза, стала одной из причин скверных отношений между Францией и Россией. Это углубило уже существовавший разрыв между государствами из-за того, что французы поддерживали Турцию, с которой Россия, по крайней мере формально, находилась в состоянии войны до 1712 года. В частности, она сказала на решении Петра не ездить в Париж, пока жив Король-Солнце. Вот почему, собираясь покинуть Россию, Великое посольство не намеревалось посетить величайшего из европейских монархов, и, как ни печально, ни исторические документы, ни легенды не повествуют о том, чтобы когда-нибудь два царственных колосса эпохи сошлись под одной крышей.